

Уголовно-процессуальное доказательство: атрибутивные признаки и качество

Баев О.Я.

доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН,
профессор кафедры криминалистики
Воронежского государственного университета
E-mail: baev@law.vsu.ru

Аннотация. На основе изучения сущности уголовно-процессуального доказательства рассматриваются его обязательные (атрибутивные) признаки (свойства): допустимость и относимость. Делается вывод о том, что достоверность есть не признак доказательства, а его качество, оценку которого осуществляют субъекты доказывания по уголовному делу.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное доказательство, свойства доказательств, допустимость, относимость, достоверность, качество доказательства, оценка доказательств, субъекты доказывания.

Предметом рассмотрения в любом виде судопроизводства — административном, гражданском, уголовном и т.д. — является событие, уже имевшее место, событие, отстоящее от судопроизводства по нему на некоторое время, иными словами, — событие некоего сколь-нибудь отдаленного прошлого.

А потому, очевидно, что, с гносеологической точки зрения, познание такого события возможно единственным образом — выдвиганием предположений (гипотез) о причинах, предопределивших возникновение этого события и существовании причинно-следственных связей между ним и его последствиями, значимыми для субъекта познания. По одному и тому же событию формулируется множество таких предположений (гипотез); одна из них (если она была в поле зрения исследователя, была им выдвинута) может явиться обоснованной, достоверной, приобрести (как некогда писал А.М. Ларин о следственных версиях) характер истины¹. Это возможно лишь тогда, когда необходимые следствия из этой гипотезы подтверждаются достаточной для однозначного по ней положительного вывода совокупностью сведений, устанавливаемых в процессе познания исследуемого объекта (в нашем случае, предмета судопроизводства), его доказанностью.

В этой связи положение о том, что доказывание есть центровая, системообразующая часть судопроизводства есть правовая аксиома, нашедшая свое выражение, в частности, в широко известном высказывании И. Бенгтама о том, что «искусство судопроизводства, в сущности, есть не что иное, как искусство пользоваться доказательствами».

В самом общем смысле (а любое исследование предполагает первоочередное введение основного операционного понятия) в гносеологии под доказательством понимается «прием, к которому прибегают с той целью, чтобы убедить в правильности тезиса, достоверности познания или — в том

случае, если данное положение оспаривается, — еще раз его дополнить и подтвердить»².

Такой же правовой аксиомой является то, что производится оно посредством вовлечения в судопроизводство доказательств, их исследования, интерпретации и оценки, в результате чего существование исследуемого факта либо подтверждается, либо опровергается. Этим же образом — посредством «работы» с доказательствами — устанавливается виновность и степень ответственности лица, данный факт (при его подтверждении) учинившего, и все другие обстоятельства, необходимые для принятия по делу, ставшему предметом судопроизводства, законного и обоснованного решения.

В теории права под судебными доказательствами понимаются «фактические данные (сведения) об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного или гражданского дела, полученные и закрепленные в материалах дела в установленном законом порядке»³.

Процессуальное законодательство в каждой области судопроизводства, исходя из приведенных определений «доказательства», в то же время вкладывает в него несколько иное содержание. Познание в них (а следовательно, оперирование доказательствами) лежит исключительно в сфере общественных отношений, разрешение конфликтов в которых осуществляется в данном виде судопроизводства; осуществляется это значимое для разрешения дела познание в установленные соответствующим процессуальным законом сроки и строго уполномоченными на то субъектами, использующими для этого свои разновидности и формы доказательств. Иными словами, лишь на основе аргументов, облеченных в надлежащие сроки в соответствующую, присущую данному виду судопроизводства процессуальную форму, уполномоченными на то субъек-

¹ См.: Ларин А.М. От следственной версии к истине. М.: Юрид. лит., 1976.

² Философский энциклопедический словарь. М.: Инфра-М, 1999. С. 141.

³ Юридический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 117.

тами осуществляется в нем познание значимых для разрешения дела фактов и обстоятельств.

В уголовном судопроизводстве, а именно оно является объектом нашего исследования, доказательствами признаются любые сведения, на основе которых субъекты в нем доказывания устанавливают «наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела». Эти сведения, особо подчеркивается в уголовно-процессуальном законе, должны быть получены лишь из установленных им источников (ст. 74 УПК РФ)⁴.

Сразу оговоримся: проблемы доказательств в уголовном судопроизводстве, судебно-уголовных доказательств, как именовал их во второй половине XIX в. В.Д. Спасович⁵, — одни из «вечных» в науках криминального цикла (в первую очередь, естественно, в уголовном процессе и криминалистике). И потому в этой работе мы даже не рискуем сколь-либо углубленно включаться в непрерывные дискуссии по многим аспектам этой проблемы. Мы лишь в пределах, обусловливаемых обозначенной темой данной статьи, попытаемся обосновать свое виденье доказательств и их атрибутивных свойств.

Начнем с констатации того, что судебно-уголовные доказательства сами по себе не возникают, они «ни в природе, ни в обществе в готовом виде не существуют»⁶.

Изменения, обусловленные преступлением, находящиеся с ним в неких причинно-следственных связях существуют объективно, вне зависимости от сознания воспринимающих их субъектов (следователя, дознавателя, очевидцев преступления и других свидетелей). Но это — еще не следы.

Как, на первый взгляд, ни парадоксально это звучит, даже следы сами по себе не обозначены, не обособлены от окружающей среды, они в нее вплетены, они (и об этом будет говориться далее) в этом качестве — в качестве следов — лишь осознаются соответствующим субъектом познания интересующего его объекта.

Приведем элементарный пример. Для большинства гуляющих по лесу людей некие объективно существующие вмятины на земле, прямота опавших листьев, надломленные веточки на кустах ничего не означают, они на них не обращают внимания. Однако следопыт по ним мо-

жет определить, от пребывания в этом месте человека или животного возникли эти особенности, в каком направлении человек/животное передвигалось и т.д.; для него — для следопыта, данные особенности — следы.

В результате совершения преступления, и это убедительно обоснованно материалистической гносеологией⁷, как взаимодействия объектов (а любое деяние есть взаимодействие между собой как минимум двух объектов) происходит процесс отражения одного объекта взаимодействия на другом объекте (и наоборот), происходят соответствующие изменения этих объектов и на этих объектах.

Видимо, нельзя полностью согласиться с Б.И. Шевченко, который около семидесяти лет назад писал: «Для обозначения всех самых разнообразных материальных изменений, которые обязаны своим происхождением тем или иным действиям преступника, связанным с совершением преступления во всех его стадиях, пользуются в криминалистике обобщающим и охватывающим все эти изменения названием — следы преступления»⁸.

Увы, далеко не все, а лишь некоторые, определенные части результатов объективно (это вновь особо подчеркнем) возникшего отражения от преступления следователь воспринимает, осознает, на основе знания им всех достижений современной криминалистики, как информацию уголовно-релевантную, ее он вычлняет из последствий и следствий преступления, осознает, что она является следом преступления.

Следом является не каждое из неисчерпаемого количества «всех самых разнообразных материальных изменений», связанных с преступлениями, а лишь те из них, которые на современном этапе развития криминалистики осознаются в этом качестве. Осознаются как следы, возникшие в результате преступной деятельности либо с ней связанные причинно, и — что главное, которые мы в настоящее время умеем обнаруживать, фиксировать, изымать, исследовать и использовать в целях познания, реконструкции преступных событий.

Здесь уместно сделать такое отступление:

- Всегда со времен Каина и Авеля на местах преступлений оставались отпечатки пальцев рук;
- с момента возникновения огнестрельного оружия на использованных боеприпасах (ядрах, пулях, гильзах) всегда оставались трасологические отображения особенностей внутреннего канала ствола;

⁴ Анализ законодательной дефиниции понятия уголовно-процессуального доказательства с критическими замечаниями в ее отношении и предложениями по ее совершенствованию, в свою очередь, неоднозначными, неоднократно проводился в современной юридической литературе. См., напр.: Костенко Р.В. Понятие и признаки уголовно-процессуальных доказательств. М.: Юрлитинформ, 2006.

⁵ См.: Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М.: ЛексЭст, 2001.

⁶ Быков В.М., Березина Л.В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ. Казань: Таглитат, 2006. С. 23.

⁷ А с позиций гносеологии, — и наукой криминалистикой. См., напр.: Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 1. М.: Юрист, 1997; Дулов А.В., Рубис А.С. Основы формирования криминалистической теории доказывания. Минск: БГУ, 2004; Колдин В.Я., Полевой Н.С. Информационные процессы и структуры в криминалистике. М.: Изд-во МГУ, 1985; Усманов Р.А. Информационные основы предварительного расследования. М.: Юрлитинформ, 2006. и др.

⁸ Шевченко Б.И. Научные основы современной трасологии. М.: 6/и, 1947. С. 13.

– всегда микрочастицы с одежды нападающего переходили на одежду пострадавшего (и наоборот) как следствие контактного взаимодействия между этими лицами (разумеется, если таковое имело место).

Но пока не были созданы и разработаны основы дактилоскопии, судебной баллистики, так называемой экспертизы наложения (исследования микрочастиц веществ и материалов) и созданы соответствующие методики исследования этих видов информации, она не представляла интереса для следователей, была «вещью в себе», хотя, естественно, возникла и существовала объективно.

По мере того как криминалистика не только осознает значимость отдельных результатов такого отражения для расследования преступлений, но и создает методики извлечения (обнаружения, фиксации), исследования и использования возникающей информации, эта ее часть осмысливается как следы преступления. Именно их и будет целенаправленно искать, а затем «перерабатывать» (изымать, исследовать и т.д.) следователь.

Иными словами, часть объективно возникшей информации осознается следователем как след преступления лишь тогда, когда он воспринимает ее именно в этом качестве, а наука криминалистика имеет методики обнаружения, фиксации, извлечения и использования возникающей информации (части отражения) в уголовно-процессуальном доказывании⁹.

Процесс осознания криминалистического значения все большей части объективно возникающей информации — перманентно-поступателен.

Характерным примером тому служит появление понятия виртуальных следов преступления, основанного на том, что особенности компьютерных технологий, используемых зачастую на различных стадиях преступной деятельности, вне зависимости от желания пользователя, влекут возникновение информации. Она в качестве уголовно-релевантной не только в настоящее время осознается субъектом доказывания, но, вновь это подчеркнем, имеются научно-обоснованные криминалистические методики ее обнаружения и исследования.

Именно на этом, в частности, основаны все чаще используемые при расследовании преступлений особенности мобильной сотовой связи — от установления факта связи двух абонентов между собой до определения с высокой точностью места нахождения конкретного мобильного телефона, «участвующего» в переговорах¹⁰.

⁹ См.: Суворова Л.А. Идеальные следы в криминалистике. М.: Юрлитинформ, 2006. С. 22.

¹⁰ Более того, в настоящее время отдельными учеными высказывается мысль о целесообразности создания «цифровой» криминалистики, всецело посвященной средствам и методам выявления и исследования следов этого вида. См.: Мещеряков В.А. Цифровая криминалистика // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. Вып. 4 (15). С. 231–241.

У нас нет сомнений, что дальнейшее развитие естественных, технических, других наук, науки криминалистики позволят со временем извлекать из «остаточных» результатов процесса отражения при совершении преступлений и другую, неизвестную нам в настоящее время, уголовно-релевантную информацию, которая уже в качестве следов будет целенаправленно обнаруживаться, изыматься и исследоваться при расследовании преступлений.

Но уголовно-релевантная информация, следы преступления еще не судебные доказательства, это единственная и непременная основа, генезис того, что ч. 1 ст. 86 УПК РФ именует «собираемым доказательством», которое «осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом».

Учитывая эту — существующую (с теми или иными модификациями) в уголовно-процессуальном законодательстве практически всех правовых государств — конструкцию понятия «судебное доказательство», С.А. Шейфер совершенно верно пишет: «Доказательство представляет собой неразрывное единство содержания (фактические данные, то есть сведения о фактах, подлежащих установлению) и формы (показания, заключения экспертов, вещественные доказательства и документы)»¹¹.

Как показано выше, изначально доказательства не существуют — они формируются путем восприятия следов и преобразования их содержания, облечения в процессуальную форму «надлежащим субъектом доказывания при выполнении требований закона относительно источника, способа, порядка получения, закрепления и приобщения к делу этих сведений»¹².

В этой связи скажем: нам представляется далеко не точным, если не сказать более — методологически не корректным, определение сущности основного операционного понятия, с которым действующий уголовно-процессуальный закон связывает процесс доказывания по уголовному делу: «Доказывание состоит в *собираении*, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 настоящего Кодекса» (ст. 85 УПК РФ).

По В.И. Далю, «собирать — сносить, свозить, отыскивать и соединять, совокуплять, приобщать одно к одному»¹³.

¹¹ Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Тольятти: Изд-во Волжск. ун-та, 1998. С. 37. См.: Он же. Доказательства и доказывание по уголовным делам. М.: Норма, 2008. С. 56. Этой же точки зрения в настоящее время, как уже отмечалось, придерживаются и многие другие процессуалисты.

¹² Уголовный процесс России / под ред. З.Ф. Ковриги, Н.П. Кузнецова. Воронеж: ВГУ, 2003. С. 122. См. также об этом: Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2005; Дулов А.В., Рубис А.С. Указ. соч.

¹³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М.: Рус. язык, 1991. С. 141.

В современном русском языке синонимами к понятию «собирать» признаются слова «сосредотачивать, концентрировать, нагонять, стягивать»¹⁴.

Следовательно, собирать можно лишь то, что есть. Можно собирать ягоды или грибы, наконец, шкаф из готовых панелей. Ягоды и грибы созрели и выросли к моменту их сбора; панели для шкафа ранее были изготовлены по необходимым параметрам.

Доказательственная информация, не облеченная в соответствующую уголовно-процессуальную форму, предназначенную для ее извлечения — «вещь в себе», и какой бы значимой сама по себе она ни была, непосредственно для доказывания по уголовному делу использоваться не может, она недопустима для использования в этом процессе»¹⁵.

И потому доказательства по уголовному делу не собираются, а формируются надлежащим субъектом доказывания.

Таким образом, любое уголовно-процессуальное доказательство есть информация об объекте исследования (в нашем случае, об уголовно-релевантных фактах), отвечающая, в первую очередь, свойству (атрибутивному признаку) допустимости: формой своего облечения, допустимой для использования в этом качестве для доказывания в уголовном процессе.

Иными словами, сколь бы значима и достоверна не была бы имеющаяся в распоряжении следователя уголовно-релевантная информация, если она не собрана надлежащим субъектом доказывания и не облечена в строго предписываемую законом процессуальную форму — она не есть доказательство.

В этом-то, в сути своей, воплощается в судопроизводстве в целом и в доказывании в нем в частности диалектическая категория единства содержания и формы. Как известно, не существует содержания без формы и «форма лишена всякой ценности, — писал К. Маркс, — если она не есть форма содержания»¹⁶.

Под формой в диалектическом материализме понимаются способы внутренней организации предмета или явления и способы его существования. Таким образом, здесь отражен объективный характер двойственности формы, в которую может облекаться содержание предмета или явления. С одной стороны, любое содержание имеет внутреннюю форму, под которой понимаются способы внутренней организации предмета или явления¹⁷. С другой стороны, предмет или явление облекаются во внешнюю форму, выражающую способы их су-

ществования. Но эта форма, в свою очередь, имеет свое содержание, она — содержательна. «В такое обобщенное понятие внешней формы, — отмечает Е.В. Дмитриев, — до известной степени вводит и понимание формы как “вида”, “разновидности” некоторого предмета или процесса»¹⁸.

Экстраполируя этот методологически важный тезис на предмет нашего исследования, скажем, что форма, в которой осуществляется формирование доказательств в уголовном деле, безусловно, и без каких-либо сомнений в том — содержательна. Сказанное относится как к установленным законом источникам формирования доказательств, так, не в меньшей степени, к общим правилам производства следственных действий, порядку осуществления отдельных из них, требованиям к протоколам следственных действий. Являясь формой, лишь соблюдение которой делает отраженные в ней относимые для доказывания сведения доказательствами, эти предписания отражают содержание воли законодателя, признавшего их оптимальными для уголовно-процессуального исследования преступлений всех видов во всех мыслимых ситуациях его осуществления»¹⁹.

В то же время формы содержания многогранны. По одному и тому же содержанию они определяются, как правило, неоднозначно, ибо одно и то же содержание может существовать в различных формах.

Будем реалистами: необходимость строжайшего соблюдения процессуальной формы при формировании доказательств в ряде случаев ограничивает возможности вовлечения в уголовный процесс значительной содержательной части уголовно-релевантной информации.

Ярким примером этому является то, что значительную часть информации, имеющейся в распоряжении сотрудников оперативно-розыскных служб, в силу специфики способов и условий ее получения не представляется возможным использовать в уголовно-процессуальном доказывании. Как известно, ст. 89 УПК РФ однозначно запрещает использование в нем результатов оперативно-розыскной деятельности, «если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом».

А потому, формируя доказательства, следователь (другой надлежащий субъект доказывания по уголовному делу), в первую очередь, должен быть формалистом в прямом и точном значении этого понятия.

¹⁴ Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Наука, 1975. С. 502.

¹⁵ Данная проблема наиболее актуальна для оценки возможностей и критериев допустимости использования в доказывании информации, полученной в результате оперативно-розыскной деятельности, исследованию которых посвящены многочисленные, в том числе и монографические, публикации.

¹⁶ Маркс К. Дебаты по поводу закона о краже леса // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 159.

¹⁷ См.: Минасян А.М. Категории содержания и формы. Ростов н/Д.: Изд-во Рост ун-та, 1962. С. 40.

¹⁸ Дмитриев Е.В. Диалектика содержания и формы в информационно-процессуальных процессах. Минск: Рік, 1973. С. 49.

¹⁹ Это ни в малейшей степени не означает отсутствия необходимости постоянного совершенствования действующего процессуального закона, в том числе, и оптимизации формы осуществления доказывания по уголовным делам. Об этом с очевидностью свидетельствуют даже сами наименования ряда монографий, посвященных данным проблемам. См., напр.: Белкин А.Р. УПК РФ: нужны ли перемены? М.: Норма: Инфра-М, 2013; Победкин А.В. Уголовный процесс: состояние вне права. М.: Юрлитинформ, 2013.

Давно известно, что «формализма оказывается слишком много для стороны, действующей недобросовестно, потому что он ее стесняет, и, наоборот, его слишком мало для честного человека, которого он защищает, его сложность, а также порожденная им медлительность и издержки представляются ценой, которой каждый покупает свою свободу и обеспечивает свое добро»²⁰.

«Именно в области уголовного права и процесса лежат границы для вторжения государства в область личной свободы граждан», — писал еще в начале прошлого века И.Я. Фойницкий²¹.

«История свободы, — спустя столетие совершенно уместно практически повторяет это принципиальное положение А.В. Смирнов, — это история процессуальных гарантий»²².

Человечество за всю многовековую и зачастую трагическую «уголовно-судопроизводственную» историю пришло к аксиоматичному выводу, сформулировало, выстрадало следующую правовую догму: *лишь строжайшее соблюдение процессуальной формы уголовного судопроизводства, осуществления в нем доказывания является хотя бы некоторой, минимально необходимой и возможной, гарантией защиты человека, его прав и свобод от репрессивного механизма государства.*

Из сказанного выше очевидно, что создание, — не собирание(!), а формирование уголовно-процессуальных доказательств — «дело рук» лишь следователя (других субъектов доказывания в производстве по уголовным делам). Все другие лица, в том или ином качестве вовлекаемые в орбиту уголовного судопроизводства и нем участвующие, могут лишь представлять следователю/другому субъекту доказывания уголовно-релевантные, по их мнению, имеющиеся в их распоряжении сведения, предметы, документы и другие материальные объекты, но отнюдь не формировать доказательства в уголовно-процессуальном значении этого понятия.

Особого рассмотрения в контексте изучения исследуемой проблемы требует вопрос о допустимости доказательств, добытых на основании другого доказательства, сформированного, однако, с нарушением закона.

По принятому в уголовно-процессуальной теории метафоричному выражению, такие доказательства являются «плодами отравленного дерева». А потому, по мнению многих специалистов, они не могут использоваться в процессе доказывания²³. «Отравленное дерево, — разъясняет этот принцип К.И. Сулягин, — дает “отравлен-

ные плоды”»; получение доказательств на основе информации, почерпнутой из недопустимого доказательства, делает их недопустимыми»²⁴.

Нам представляется, что дать однозначный ответ на поставленный выше вопрос о допустимости использования в уголовно-процессуальном доказывании «плодов отравленного дерева» крайне сложно.

С одной стороны, мы убеждены, что результаты вербальных следственных действий, направленных на проверку и исследование сведений, вовлеченных в уголовный процесс в качестве доказательств, сформированных недопустимым для того образом, — это «отравленные плоды». К таковым следует отнести, к примеру, результаты проверки показаний подозреваемого/обвиняемого, полученных в результате принуждения к их даче или с другими нарушениями закона, на месте; результаты очных ставок этого лица с другими фигурантами по делу.

Таковыми же недопустимыми доказательствами являются и результаты экспертных исследований материальных объектов, обнаружение и изъятие которых было осуществлено с нарушением требований к тому действующего уголовно-процессуального закона.

Более того, ряд радикальных адептов этой концепции, в частности П.А. Лупинская, считала (приводится по статье К.И. Сулягина), что «если исходить из того, что показания обвиняемого, данные в отсутствие защитника, недопустимы, так как они ставят под сомнение их добровольность, а следовательно, дают основание считать, что обвиняемый под принуждением давал показания против себя самого, указав место, где спрятаны похищенные вещи, то недопустимым доказательством являются и протокол проверки показаний на месте, и обнаруженные там вещественные доказательства».

Внешняя правовая респектабельность этой теории сомнений вызвать не может.

Однако с другой стороны, можно ли признавать а priori недопустимыми доказательства, опосредующие в этом качестве материальные объекты, информация о наличии и местонахождении которых содержалась в ранее сформированном, но недопустимом доказательстве, из него следовала? При этом — опосредующие эти объекты в качестве доказательства сформированы исключительно в предусмотренной процессуальной форме, в установленном порядке производства соответствующего следственного действия и надлежащим субъектом доказывания!

Приведем пример из следственной практики (подчеркнем, что он отнюдь, далеко не исключительный).

²⁰ Монтескье Ш.-Л. О духе законов. М.: Мысль, 1956. С. 224–225.

²¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства, СПб.: Альфа, 1996. С. 586.

²² Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб.: Наука, 2002. С. 219.

²³ См.: Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание. М.: Юрлитинформ, 2009. С.154.

²⁴ Сулягин К.И. Применение доктрины «плодов отравленного дерева» при оценке допустимости доказательств требует корректировки // Вестник ОГУ. 2008. № 83. URL: http://vestnik.osu.ru/2008_3/13.pdf.

Будучи доставленным оперативными сотрудниками в РОВД для «беседы», З. не только сознался в раскрываемом ими разбойном нападении, но сообщил о совершенном им ранее убийстве незнакомого ему человека, труп которого закопал в лесу, расположенном недалеко от места нападения на потерпевшего.

Тут же З. был оперативным сотрудником (не надлежащим субъектом доказывания по данному делу!) допрошен в качестве подозреваемого, но, однако, без участия защитника. З. дал детальные показания как об обстоятельствах раскрываемого преступления, так совершенного им — также в ходе разбойного нападения, убийства, собственноручно составил схему места сокрытия трупа потерпевшего.

На следующий день, на который следователь запланировал повторный допрос З. и проверку его показаний на месте, подозреваемый в присутствии назначенного ему защитника от своих «признательных» показаний полностью отказался, объяснил, что дал их в результате применения к нему оперативными сотрудниками физического насилия и совместно с защитником потребовал своего медицинского обследования. Его проведением было установлено наличие на теле З. многочисленных ушибов, других телесных повреждений, в том числе ожогов, возникших (по объяснению З.) от сигарет, которые оперативные сотрудники, добываясь от него признания, тушили на его теле (по данному факту в отношении сотрудников полиции было возбуждено самостоятельное уголовное дело).

Тем не менее используя ранее составленную З. схему места сокрытия им трупа, следователь произвел осмотр места происшествия, в ходе которого труп с очевидными следами насильственной смерти был обнаружен.

Расследование уголовного дела, возбужденного в этой связи по признакам ч. 2 ст. 105 УК (ранее это преступление оставалось латентным), в дальнейшем было приостановлено в связи с не установлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Нет ни малейших сомнений в том, что в данном случае «признательные» показания З. — доказательство не допустимое, использовать его в доказывании невозможно, как говорят, по определению.

Но, по глубокому нашему убеждению, было бы исключительным ханжеством признавать недопустимым доказательство в виде обнаружения трупа при осмотре следователем места происшествия, произведенного на основе информации, содержащейся во — вновь подчеркнем — недопустимых показаниях З., без наличия которой — будем реалистами — оно установлено не могло быть. (Если довести рассматриваемую ситуацию до парадокса, в этой связи можно ставить под сомнение и обоснованность самого возбуждения по данному факту уголовного дела, ибо основания

для производства осмотра места происшествия были получены из недопустимого источника).

Показания З. — недопустимы, недопустима ссылка на них в каких-либо процессуальных документах, составляемых как в ходе доказывания, так и по его результатам, они — поистине «плоды отравленного дерева».

Но, думается нам, «плоды отравленного дерева», как о том писали еще в 1973 г. авторы фундаментальной «Теории доказательств в советском уголовном процессе»: «в некоторых (аналогичных приведенному нами. — О.Б.) случаях могут использоваться (подобно оперативной информации) в качестве своего рода “указателя” направления расследования и местонахождения доказательств»²⁵.

Но есть также еще один атрибутивный признак уголовно-процессуального доказательства в уголовном процессе — относимость.

Относимость уголовно-судебного доказательства заключается в том, что содержащаяся в нем информация носит уголовно-релевантный характер, свидетельствует о наличии объективной связи полученных сведений с исследуемыми по делу фактами и обстоятельствами. По сути, такое понимание данного признака всецело вытекает из приведенной выше самой законодательной конструкции доказательства как сведений, *устанавливающих* наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Иными словами, *доказательство есть облеченные в соответствующую процессуальную форму не просто любые сведения, но сведения, лишь относящиеся, значимые для установления указанных обстоятельств, сведения к этому процессу относимые.*

Говоря об этом признаке доказательства, следует обратить внимание на определенную его диалектичность. С одной стороны, этот признак — объективен. Но с другой — ряд имеющихся в распоряжении следователя к началу расследования (и получаемых в ходе расследования) сведений, облеченных им в надлежащую процессуальную форму, в форму доказательств, в дальнейшем вполне могут утратить свойство относимости к делу. Особенно это характерно для доказательств, сформированных в ходе проверки следователем версий о причастности к совершению преступления тех или иных лиц, участие которых в преступлении в результате расследования не подтвердилось (или однозначно опровергнуто)²⁶.

²⁵ Теория доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1973. С. 234.

²⁶ В то же время следует согласиться с мнением Р.В. Костенко, что эти доказательства тем не менее продолжают оставаться относимыми для их использования при принятии процессуальных решений в отношении фигурантов по не подтвердившимся версиям (об отмене избранной меры пресечения, постановления о прекращении уголовного преследования). См.: Костенко Р.В. Указ. соч. С. 119–120.

В дальнейшем ни следователь в обоснование своего итогового решения по делу (в обвинительном заключении, постановлении о прекращении уголовного дела), ни рассматривающий уголовное дело суд к ним обращаться не будут; эти доказательства утратили для них свойство относимости к делу: продолжая оставаться безупречными с точки зрения соблюдения процессуальной формы при их формировании, они, по самому своему содержанию, по содержащимся в них сведениям для дальнейшего доказывания по уголовному делу не используются, для того не востребуются, они утратили признак (свойство) относимости.

И, напротив, если принятые субъектами доказывания по делу решения будут в надлежащем порядке отменены, то, не исключено, что данные доказательства могут вновь приобрести значение относимых.

Скажем, уголовное преследование в отношении некоего лица прекращено в связи с наличием у него алиби, но после отмены этого решения следователя, в ходе дополнительного расследования данное алиби опровергнуто, а потому ранее сформированные доказательства причастности этого лица к преступлению вновь приобретают характер относимости к делу.

Значительно более сложной представляется проблема включения в атрибуцию уголовно-процессуального доказательства такого признака, как его достоверность.

Видимо, исходя из того, что уголовно-процессуальный закон указывает, что «каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости и достоверности» (ч. 1 ст. 88 УПК РФ), многие процессуалисты в атрибутивные признаки его, помимо вкратце обозначенных выше свойств относимости и допустимости, включают достоверность содержащейся в доказательстве информации.

«Если, — пишет, например, по этому поводу В.В. Трухачев, — доказательственная информация, хотя бы полученная в порядке и из источников, предусмотренных законом, необъективна, то есть противоречит комплексу информации, достоверность которой по делу установлена, она не может рассматриваться в качестве доказательства»²⁷.

Не думаем, что это утверждение обосновано хотя бы потому, что оно, в сущности, противоречит законодательному определению доказательств. В соответствии со ст. 74 УПК РФ, напомним это вновь, таковыми являются «любые сведения» (выделено нами. — О.Б.), которые получены из указанных в этой же статье источников. Таким образом, закон не включает (и, думаем мы, совершенно обоснованно) в это понятие в качестве необходимого (атрибутивного) его признака до-

стоверность заложенной в доказательстве информации.

Скажем, ложные показания свидетеля, которые он дал при допросе, проведенном без каких-либо отступлений от процессуального порядка производства данного следственного действия, есть «полноценное» и относимое (если сообщенные им сведения имеют уголовно-релевантное значение) доказательство, однако требующее от следователя/суда оценки их достоверности.

«Только после того, как допустимость отдельного доказательства установлена, — пишет известный израильский правовед А. Барак, — можно определять, насколько оно весомо»²⁸.

В следственной и судебной практике известны уголовные дела, по которым многочисленные свидетели дают заведомо ложные показания в интересах чаще всего обвиняемого/подсудимого. В то же время достоверными являются показания единственного потерпевшего.

Недостоверным может оказаться и доказательство, ранее сформированное в результате проведенной судебной экспертизы. К примеру тогда, когда повторная экспертиза (назначенная по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 207 УПК РФ) придет к выводам о необоснованности заключения экспертизы первоначальной, то есть признает его недостоверным (мы уже не говорим об использовании следователями в доказывании сфальсифицированных ими доказательств, иными словами, доказательств а priori недостоверных).

Придерживаясь мнения, что достоверность есть обязательное свойство, атрибутивный признак уголовно-судебного доказательства, Р.В. Костенко, в частности, пишет: «признание доказательств достоверными не означает их трактовку как фактов реальной действительности, достоверных в силу своей объективной природы и существующих независимо от познавательной человеческой деятельности. Достоверность уголовно-процессуальных доказательств необходимо рассматривать как гносеологическую категорию. Это означает, что вывод кого-либо из субъектов, ведущих процесс, о достоверности определенного доказательства не исключает иной оценки тех же сведений другим субъектом на том же этапе доказательственной деятельности»²⁹.

Нет сомнений в научной корректности этих утверждений (также считают А.Б. Соловьев и ряд других ученых)... за исключением одной детали. Что же могут столь различно оценивать (и, зачастую, оценивают) субъекты, осуществляющие и участвующие в доказывании? Столь различно они оценивают не что иное, как уже существующие, сформированные надлежащим субъектом доказательства.

²⁷ Трухачев В.В. Преступное воздействие на доказательственную информацию. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2000. С. 149.

²⁸ Барак А. Судейское усмотрение / пер. с англ. М.: Норма, 1999. С. 350.

²⁹ Костенко Р.В. Указ. соч. С. 126.

Верно, на наш взгляд, в этой связи пишет А.В. Смирнов: «достоверность указанных сведений не является необходимым признаком доказательства; они еще подлежат проверке и исследованию судом и сторонами и могут быть оценены иначе... Как правило, вывод о достоверности этих сведений может быть сделан лишь при окончательной (итоговой) оценке определенной совокупности доказательств»³⁰.

Этой же точки зрения придерживаются и многие другие специалисты в области судебного доказывания.

«Признание за сведением о факте наличия свойств относимости и допустимости (то есть появление доказательства), — полагает А.В. Победкин, — свидетельствует о возможности оценки этого сведения на достоверность»³¹.

«Нельзя считать доказательством только достоверные знания о событиях реальной действительности, — пишет А.С. Рубис, — так как достоверность их должна быть предварительно доказана». «В то же время, — верно замечает далее автор, — средства, с помощью которых она может быть установлена, не могут быть ничем иным, как доказательствами по уголовному делу»³², поэтому «сведения о фактах, полученные в установленном законом порядке и имеющие логическую связь с предметом доказывания, считаются доказательствами независимо от того, достоверны они или нет»³³.

Мы также убеждены, что *достоверность* — не есть атрибутивное (обязательное) свойство уголовно-процессуального доказательства.

Нам представляется, что о *достоверности сформированного следователем доказательства (относимых уголовно-релевантных сведений, облеченных в соответствующую процессуальную форму)* можно вести речь лишь в контексте оценки качества этого доказательства.

По В.И. Далю, «качество» есть «свойство или принадлежность, все, что составляет сущность лица или вещи»³⁴.

В современном русском языке это понятие определяется как:

1. существенный признак, свойство, отличающее один предмет от другого;
2. степень достоинства, ценности, пригодности вещи, действия и т.п., соответствия тому, какими они должны быть»³⁵.

С позиций гносеологии «качество» — это существенная определенность предмета, явления,

процесса, в силу которой он является данным, а не иным предметом, явлением или процессом»³⁶.

Международная организация по стандартизации (ИСО — ISO) лаконично определила качество (в интерпретации А.Д. Шадрина) как «степень, с которой совокупность собственных отличительных свойств (характеристик) выполняет потребности или ожидания заинтересованных сторон, которые установлены, обычно предполагаются или являются обязательными»³⁷.

В то же время каждый качественно определенный объект, в свою очередь, с логической и психологической неизбежностью оценивается с точки зрения качества его самого каждым потребителем этого объекта — индивидуумом, группой людей, всем обществом (в зависимости от значимости объекта для них).

Если прибегнуть к достаточно грубой аналогии, нет сомнений, что «Ока» и «Мерседес» — есть по своим атрибутивным признакам автомашины, к тому и другому автомобилю всецело относится это понятие. Отличаются они между собой «лишь» одним — качеством, и с этой позиции они и оцениваются — и оцениваются, разумеется, различно! — как отдельными потребителями автотехники, так и обществом»³⁸.

Также, в сути своей, обстоит дело и с уголовно-процессуальными доказательствами. Достоверность каждого из них, иными словами, качество сформированного доказательства по конкретному делу исследуется, проверяется, оценивается каждым субъектом доказывания, как указано в ст. 87 УПК РФ, «путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство». Чем более убедительно доказательство подтверждает (или опровергает) исследуемый по делу факт или обстоятельство, тем лучше, «выше» его качество. Именно с этих позиций и в теории, и в практике доказывания оценивается, например, значимость прямых, производных, косвенных, вещественных и личных доказательств.

Особое внимание в контексте данного исследования обратим на следующее.

На протяжении судопроизводства по конкретным уголовным делам качество отдельных доказательств зачастую претерпевает существенные метаморфозы: подозреваемый/обвиняемый по тем или иным причинам отказывается от ранее данных, на

³⁰ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник. М.: Кнорус, 2007. С. 176–177.

³¹ Победкин А.В. Указ. соч. С. 172–173.

³² Дулов А.В., Рубис А.С. Указ. соч. С. 37.

³³ Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: учебник. М.: Эксмо, 2008. С.179.

³⁴ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. С. 99.

³⁵ См.: Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Рус. язык, 1982. С. 38.

³⁶ См.: Философский словарь. М.: Политиздат, 1975. С. 171.

³⁷ Шадрин А.Д. Менеджмент качества. От основ — к практике. М.: Трек, 2005. С. 23.

³⁸ Наше мнение по проблемам качества применительно к уголовному судопроизводству подробнее см.: Баев О.Я. Уголовно-процессуальное исследование преступлений: проблемы качества права и правоприменения. М.: Юрлитинформ, 2009.

взгляд субъекта доказывания — достоверных, «признавательных» показаний о совершении инкриминируемого ему преступления; изменяют свои ранее данные «качественные» показания свидетели, а в ряде случаев и потерпевшие (например, последний впоследствии станет утверждать, что он допустил ошибку при опознании им подозреваемого).

А потому с уверенностью можно утверждать, что качество сформированного следователем допустимого и относимого доказательства нуждается в своей защите, в том числе защите «предвосхищающей» (к примеру, вовлеченное в судопроизводство лицо еще своих представляющихся достоверными, качественными показаний не изменило, но вероятность этого не исключена...).

Качество всей системы допустимых и относимых доказательств субъект доказывания оценивает в принимаемом им итоговом процессуальном решении «по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью» (ст. 17 УПК РФ).

В то же время качество каждого доказательства и всей системы допустимых и относимых доказательств может оцениваться представителями состязующихся в уголовном процессе различно, исходя из своих профессиональных и личных в нем интересов. При этом далеко не исключено возникновение в этом отношении и коллизий между представителями одной стороны (к примеру, прокурор, оценив качество исследованных в суде доказательств, пришел к решению о необходимости полного или частичного отказа от поддержания государственного обвинения; потерпевший с этой позицией принципиально не согласен и т.п.).

Основываясь на этих же принципах, в конечном счете качество каждого доказательства и доказывания в целом оценивается судом в обвинительном приговоре (с возможными изменениями относительно обвинения, по которому подсудимый предан суду) или приговоре оправдательном, вступившим в законную силу. Либо — как законный паллиатив — в решении судьи о возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий для его рассмотрения судом (в том числе и для «поворота к худшему» относительно ранее предъявленного подсудимому обвинения).

Логично возникает вопрос: что доказывают не качественные уголовно-процессуальные доказательства, то есть полученные из надлежащих источников и облеченные в надлежащую процессуальную форму, относимые к делу, но содержательно недостоверные сведения?

Думается нам, что напрашивающийся в этой связи вывод, что недостоверные доказательства ничего не доказывают, а потому признаваться доказательствами в принципе не могут, не учитывает специфики доказывания именно уголовно-процес-

суального, а не просто доказывания как инструмента познания в других областях знания и практики (в них недостоверные доказательства просто отвергаются, далее не используются). Такие доказательства, вновь повторим, после их допустимого формирования в материалах уголовного дела существуют уже объективно — желает или не желает того субъект доказывания. Как недостоверные они этим субъектом по указанным выше принципам лишь оцениваются. Более того, практика доказывания и правоприменения в уголовном судопроизводстве изобилует примерами, когда надлежащими субъектами доказывания признаются в конечном счете достоверными (качественными) доказательства, ранее также надлежащими субъектами доказывания оценивавшиеся диаметрально противоположно — как доказательства недостоверные.

Из всего сказанного выше о сущности уголовно-процессуального доказательства и его обязательных (атрибутивных) признаках (свойствах) и качестве самого доказательства следуют такие принципиально важные выводы:

1. Доказательствами в уголовном деле являются полученные из надлежащего источника, облеченные в соответствующую процессуальную форму сведения, устанавливающие наличие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по нему, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.
2. Чтобы исключить возможность использования сформированного доказательства в процессе доказывания по уголовному делу достаточно лишить его одного из указанных выше признаков — относимости или допустимости.
3. Чтобы придать искаженной или полностью вымышленной заинтересованными в исходе уголовного дела лицами информации значимость уголовно-процессуального доказательства, достаточно обосновать ее относимость к исследуемому факту и облечь ее (обусловить необходимость для субъекта доказывания такового облечения) в форму, предусмотренную уголовно-процессуальным законом для формирования соответствующего доказательства.
4. Качество (достоверность) каждого доказательства оценивается субъектом доказывания по закону, своему внутреннему убеждению и совести в результате сопоставления его с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

По нашему разумению, данные выводы в своей системе не только обуславливают основные направления доказывания по уголовному делу — от стадии формирования доказательств, установления относимости содержащейся в них уголовно-релевантной информации к исследуемым по делу фактам и обсто-

ательствам до обеспечения самого качества каждого доказательства — его достоверности.

Они определяют и направления защиты уголовно-релевантной информации как при формировании доказательств, так и качества уже сформированных доказательств от возможных (неумышленных и умышленных) искажений в процессе уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Александров А.С. Терехин В.В. Текст-Закон-Право-Судие // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 149–161.
2. Баев О.Я. Уголовно-процессуальное исследование преступлений: проблемы качества права и правоприменения. М.: Юрлитинформ, 2009. 284 с.
3. Барак А. Судейское усмотрение / пер. с англ. М.: Норма, 1999. 376 с.
4. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2005. 528 с.
5. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 1. М.: Юрист, 1997. 408 с.
6. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: учебник. М.: Эксмо, 2008. 384 с.
7. Дулов А.В., Рубис А.С. Основы формирования криминалистической теории доказывания. Минск: БГУ, 2004. 264 с.
8. Колдин В.Я., Полевой Н.С. Информационные процессы и структуры в криминалистике. М.: Изд-во МГУ, 1985. 134 с.
9. Костенко Р.В. Понятие и признаки уголовно-процессуальных доказательств. М.: Юрлитинформ, 2006. 240 с.
10. Мещеряков В.А. Цифровая криминалистика // Библиотека криминалиста. 2014. № 4 (15). С. 231–241.
11. Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание. М.: Юрлитинформ, 2009. 416 с.
12. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб.: Наука, 2002. 528 с.
13. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник. М.: Кнорус, 2007. 704 с.
14. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М.: ЛексЭст, 2001. 92 с.
15. Суворова Л.А. Идеальные следы в криминалистике. М.: Юрлитинформ, 2006. 200 с.
16. Тимошенко А.А. Разумность как средство от формализма в науке и практике (уголовно-процессуальный аспект) // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 162–169.
17. Уголовный процесс России / под ред. З.Ф. Ковриги, Н.П. Кузнецова. Воронеж: ВГУ, 2003. 445 с.
18. Усманов Р.А. Информационные основы предварительного расследования. М.: Юрлитинформ, 2006. 208 с.
19. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т. 2. СПб.: Альфа, 1996. 606 с.
20. Шадрин А.Д. Менеджмент качества. От основ — к практике. М.: Трек, 2005. 360 с.
21. Шадрин В.С. Современное состояние и перспективы реформирования досудебного производства в российском уголовном процессе // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 133–138.
22. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. М.: Норма, 2008. 240 с.

Criminal procedure evidence: attribute characteristics and quality

Baev O.J.

Doctor of Law, honored scientist of the Russian Federation,
academician of RANS, Professor of criminology
E-mail: baev@law.vsu.ru

Abstract. *The article deals with consideration of statutory (attribute) signs (properties) of criminal procedure evidence such as the admissibility and relevance, which are based on the study of its essence. The author concludes that the reliability is not a property of proof, but its quality, which is evaluated by entities of proof in a criminal case.*

Keywords: *a criminal procedure evidence, properties of the evidences, an admissibility, a relevance, a reliability, quality of the evidences, an evaluation of evidence, the entities of proof.*

References:

1. Aleksandrov A.S. Terehin V.V. Tekst-Zakon-Pravo-Sudie // Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy. 2014. № 4 (1). S. 149–161.
2. Baev O.Ya. Ugolovno-processual'noe issledovanie prestuplenii: problemy kachestva prava i pravoprimereniya. M.: Yurlitinform, 2009. 284 s.
3. Barak A. Sudeiskoe usmotrenie / per. s angl. M.: Norma, 1999. 376 s.
4. Belkin A.R. Teoriya dokazyvaniya v ugovolnom sudoproizvodstve. M.: Norma, 2005. 528 s.
5. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki: v 3 t. T. 1. M.: Yurist, 1997. 408 s.
6. Grigor'ev V.N., Pobedkin A.V., Yashin V.N. Ugolovnyi process: uchebnik. M.: Eksmo, 2008. 384 s.
7. Dulov A.V., Rubis A.S. Osnovy formirovaniya kriminalisticheskoi teorii dokazyvaniya. Minsk: BGU, 2004. 264 s.
8. Koldin V.Ya., Polevoi N.S. Informacionnye processy i struktury v kriminalistike. M.: Izd-vo MGU, 1985. 134 s.
9. Kostenko R.V. Ponyatie i priznaki ugovolno-processual'nykh dokazatel'stv. M.: Yurlitinform, 2006. 240 s.
10. Mesheryakov V.A. Cifrovaya kriminalistika // Biblioteka kriminalista. 2014. № 4 (15). S. 231–241.
11. Pobedkin A.V. Ugolovno-processual'noe dokazyvanie. M.: Yurlitinform, 2009. 416 s.
12. Smirnov A.V. Modeli ugovolnogo processa. SPb.: Nauka, 2002. 528 s.
13. Smirnov A.V., Kalinovskii K.B. Ugolovnyi process: uchebnik. M.: Knorus, 2007. 704 s.
14. Spasovich V.D. O teorii sudobno-ugolovnykh dokazatel'stv v svyazi s sudoustroystvom i sudoproizvodstvom. M.: LeksEst, 2001. 92 s.
15. Suvorova L.A. Ideal'nye sledy v kriminalistike. M.: Yurlitinform, 2006. 200 s.
16. Timoshenko A.A. Razumnost' kak sredstvo ot formalizma v nauke i praktike (ugolovno-processual'nyi aspekt) // Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy. 2014. № 4 (1). S. 162–169.
17. Ugolovnyi process Rossii / pod red. Z.F. Kovrigi, N.P. Kuznecova. Voronezh: VGU, 2003. 445 s.
18. Usmanov R.A. Informacionnye osnovy predvaritel'nogo rassledovaniya. M.: Yurlitinform, 2006. 208 s.
19. Foinickii I.Ya. Kurs ugovolnogo sudoproizvodstva: v 2 t. T. 2. SPb.: Alfa, 1996. 606 s.
20. Shadrin A.D. Menedzhment kachestva. Ot osnov — k praktike. M.: Trek, 2005. 360 s.
21. Shadrin V.S. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy reformirovaniya dosudebnogo proizvodstva v rossiiskom ugovolnom processe // Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy. 2014. № 4 (1). S. 133–138.
22. Sheifer S.A. Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovolnym delam. M.: Norma, 2008. 240 s.